

ЛЮБИМЫЙ поэт юного Пушкина Батюшков учил собратьев: «Пиши, как живешь». Александр Александрович Блок поступал наоборот: пытался жить так, как писал. Вот и получилось, что почти все, свершенное Блоком, было сделано во имя русской земли, во славу русского искусства, во благо русского народа. Читаем ли мы его «Русь», «Россию», «Осенний день» или другое какое-нибудь юношеское стихотворение, исполненное сыновней любви к родному краю, перед нами возникает образ страны со своей особой, неповторимой и возвышенной судьбой-историей.

НЕ ЗНАЮ, когда, но среди пишущих о Блоке как-то модно стало удивляться якобы необычному какому-то «восхождению» певца Прекрасной Дамы к величайшей поэме «Двенадцать», запечатлевшей музыку Великой Октябрьской революции. А Блока надо читать всего, с его письмами, дневниками, записными книжечками, полудетскими стихами, изданными в подмосковном сельце Шахматово, где мальчику Саше Блоку Россия открывалась сияющими и ласкающими красками Тропинина и Фета:

Зреет рожь над жаркой нивой.

И от нивы и до нивы
Гонит ветер прихотливый
Золотые переливы.

Когда приезжаешь в Шахматово, то невольно вспоминаешь и Россию другого художника — Нестерова, воспевавшего в своих картинах Русь, ее прекрасные легенды и нелегкую историю, ее синеглазых женщин и отроков. А если дать простор воображению, то можно себе представить, как дочь ректора Петербургского университета с русым голубоглазым мальчиком проходит мимо этих вот берез, любуется ослепительной белой церквушкой над пламенеющей предзакатной речкой, и в лиловом сумраке им будто предугадывается ответ будущего чудовищного пожара...

По-разному открывается перед нами его поэзия. Помню, как к нам в класс пришел новый учитель литературы. Это было странно и немного похоже на чудо. Грубый, с хрипотцой голос, привыкший к гулу сражений и отрывистым командам, медленно, как бы взвешивая каждое слово, читал удивительные, звавшие отправиться в «очарованную даль» строки.

Еще недавно он командовал ротой, а сейчас вдруг стал самым близким, самым любимым учителем, избавив нас на полчасика от бесконечных житейских забот послевоенного времени. Неведомые чувства вдруг заслонили обыденность, принесли с собой полные волшебства и очарования звуки, краски, словно отголоски какого-то иного времени и пространства:

И странной близостью
закованный,
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.

Казалось, что эти непостижимые по своей колдовской силе стихи немислимо объяснить, что они рождены чувством и предназначены только для чувств. Но вот учитель прочитывает последнюю строку и вновь повторяет ключевые строки:

В моей душе лежит сокровище,
И ключ поручен только мне!

С того давнего урока прошло почти сорок пять лет. А я по-прежнему, перечитывая «Незнакомку», вздрагиваю от неожиданности, когда добираюсь до этого ключа, открывающего тайну настоящего творчества. Такое впечатление, будто не Бунин, а Блок внимал ворчливому и задорному назиданию Чехова:

— Никогда, никогда не слушать чужих советов. В работе надо быть смелым. И лаять тем голосом, каким господь Бог дал.

Примерно через пятнадцать лет после памятного блоковского урока мне самому пришлось давать уроки словесности в какой-то богом забытой вечерней школе на окраине Риги. Я числился тогда в резерве штурманов Латвийского пароходства, учился заочно на филфаке университета и решил себя проверить на педагогическом поприще. Урок с «Незнакомкой» провел прилично, а когда приблизился к «Двенадцати», то, не ведая еще о бунинском неприятии этой поэмы, заметил, что тут Блок изменил своим краскам и звукам, и потому лично меня шелудивые буржуи и разбойные красногвардейцы во главе с Христом «в белом венчике из роз» убедить в художественной полноценности произведения не могут.

Дня через два хромоногий директор-фронтвик, преподававший в том же классе историю, пригласил меня после уроков в кабинет, вытащил из сейфа початую бутылку коньяка и со звоном стаканов сказал:

— Мотай-ка, дорогой друг, к себе в пароходство, так будет лучше для нас обоих.

И по-солдатски, одним махом влил в себя коньяк, как ни в чем не бывало стал сказочно и таинственно читать стихи о прекрасной Незнакомке, внезапно появившейся в вокзальном ресторане среди «пьяниц с глазами кроликов».

МЕЖДУ ПРОЧИМ творческая биография Блока таит в себе еще много нераскрытого, загадочного. «Он не поддавался никакой логике: слишком сильно была его индивидуальность...» — вспоминала о детстве своего Сашуры его бабушка Елизавета Григорьевна Бекетова. Талантливая переводчица, она встречалась с Гоголем, Достоевским, Толстым, Аполлоном Григорьевым, Полонским. А однажды перевела на французский язык два рассказа Чехова, получив от писателя милую благодарственную записку. Как по бикфордову шнуру, тянулось от них, а еще от Пушкина, Лермонтова, Тютчева и Фета это странное умение преобразовывать мир, введенный в поэзию.

Немало загадок содержит в себе и история возникновения «Двенадцати». Мотивы поэмы проглядывают в одном из рисунков зимы, сделанных еще юношей Блоком. Уже одно это снимает с поэта подозрение в некоем своекорыстии, заискивании перед новой властью.

Впрочем, даже Зинаида Гиппиус, встретившая октябрьский переворот словами «Нет, петля Николая чище, чем пальцы серых обезьян», признавала, что Блок «потерянное дитя», что у него «душа невинна».

Нам многое еще предстоит узнать нового о подземном росте этой невинной души поэта. В Пушкинском доме,

К 110-летию со дня рождения Александра БЛОКА

Это все о России

например, хранятся его детские и отроческие сочинения. Один из рассказов написан четырнадцатилетним Блоком явно под воздействием любившегося ему чеховского «Черного монаха», напечатанного в том же 1894 году. В рассказе юного поэта тот же вечер над широким плесом, что и у Чехова, и та же зоря, только не волны пробегают по ржи, а трепет по верхушкам деревьев.

«Черного монаха» Чехов создал словно в отместку за бесчувственное непонимание критикой нестеровского «Отрока Варфоломея». У этого одухотворенного, возвышающего Русь полотна в Третьяковке Блоку всегда хотелось задержаться подольше. Все так странно, одиноко, неподвижно, пустынно...

Чеховский рассказ тоже казался критикам ирреальным, хотя писатель вроде бы с научной достоверностью передал галлюцинации своего героя. Дело, конечно, было не в миражах героя, а в мягком лирическом описании его состояния, в том одухотворенном изображении природы, которое выявляет тайну русского характера.

Стремление к внутренней жизни и красоте духа сближает творчество Чехова и Блока, хотя каждый из них по-своему утверждал в русской (да и в мировой тоже!) литературе глубокий музыкальный лиризм при сохранении внешней реальности изображения.

СКОЛЬКО РАЗ приходил в Ленинград с моря и всегда спешил на набережную реки Пряжки, на угол улицы Декабристов (бывшая Офицерская), где и поныне стоит кирпичный, очень обыкновенный дом. Окна квартиры поэта на четвертом этаже... За

эллипсами Балтийского залива синели леса возле Сергиевского монастыря, дымил фабрики.

Впрочем, к закопченным фабричным корпусам Блоку было не привыкать. С тех пор, как его мать вторично вышла замуж за гвардейского офицера, ему приходится жить не в профессорском доме на Университетской набережной Невы, а в казарме гренадерского полка, на Петроградской стороне, где много рабочих.

В официальном литературоведении считается, что розовый туманный круг «Стихов о Прекрасной Даме» оказался тесен для души истинного поэта. И он сделал

главный шаг в своей будущей поэтической судьбе — написал сугубо реальную «Фабрику». И опять подводит привычка к устоявшимся формулам, к выборочному знакомству с тем, что составляет целостную систему, что-то вроде единой поэтической картины мира. Все равно, что Достоевского знать лишь по одному, да еще усеченному роману, помещенному в школьной хрестоматии.

«Пагубные влияния» символизма на Блока оказались настолько преувеличенными, что в иных ученых трудах впечатления «смутности, туманной неопределенности» по инерции выискивались даже в наиболее точно очерченных пейзажах:

Люблю вечернее моленье
У белой церкви над рекой,
Предзакатное селенье
И сумрак мутно-голубой.

В такой же августовский мутно-голубой вечер в просторном прохладном сенном сарае блоковского имения близ Шахматова состоялся любительский спектакль. Всем еще юная круглолицая Люба Менделеева в костюме Офелии и рядом коленопреклоненный молодой Блок — Гамлет.

Пролетит еще пять лет, и в старинной барской церкви села Тараканова — той самой белой, над рекой Лутосней — двадцатитрехлетний поэт обвенчается с Любовью Дмитриевной, которая потом, как чеховская «Чайка», уйдет в актрисы и станет маяться своей бесталанностью.

В кабинете Блока огромный портрет тестя — Менделеева, а на письменном столе педантичный порядок. Будто не поэт здесь обитает, а ученый.

В самом деле, можно ли себе представить Есенина: одновременно поэт и крупный ученый? Нет, хотя он автор вполне научного трактата об истоках русской поэзии, и его песенные стихи о России наиболее близки Блоку. А вот Блока вполне можно представить себе ученым, достигшим все тайны бытия поэтического творчества, скрепляющего прошлое, настоящее и будущее России.

Пора уже отрешиться еще от одной застарелой привычки — представлять себе молодого Блока, занятого исключительно любовной лирикой. Он поражен чеховским «Вишневым садом» именно

потому, что в пьесе этой отсутствовала возвышенная любовь. Любовь ничего не решает и никого не спасает. Для счастья человека мало одной любви. С такими мыслями поэт пишет «Соловьиный сад» — поэму, которая укрепляла в человеке известное стремление к труду как к совести.

КАК-ТО на одном из выступлений его попросили прочитать стихи о России. И Блок ответил: «Это все о России». Вся его поэзия и впрямь была в конечном счете связана с Отчизной.

О, как хорошо понимал он, что «жить стоит только так, чтобы предъявлять безмерные требования к жизни: все или ничто; ждать нежданного...»

Так жили наши далекие предки, проявившие мужество, доблесть, бескорыстную любовь к Родине на поле Куликовом. Блок знал, что победа между Доном и Непрядвой повлекла за собой невиданный расцвет нравственного духа народа, хотя до окончательного освобождения Руси от ордынского ига пройдет еще столетие.

В Шахматове, на берегу лесной, черноватой Лутосни в воображении поэта возник образ святой русской земли и степная с обрывистыми берегами Непрядва. Пять стихотворений из цикла «На поле Куликовом», созданных в тяжкий год поражения первой русской революции, когда все вокруг темнело от кровавых оргий, говорили о том, что Блок умел чувствовать историю милой его сердцу Руси чутко и трепетно.

Я вижу над Русью далеко
Широкий и тихий пожар...
Десять лет спустя пожар
рокового переворота решил
(в лучшую или в худшую сторону, но решил) дальней-

шую судьбу его России, его народа.

Нет, все не так просто с его «Двенадцатью». Не столь уж бесследно прошли для душевного равновесия поэта дни, когда полихали старинные помещицкие усадьбы, когда лилась невинная кровь, а вокруг лежали поруганные, разоренные разбойным разгромом земля и культура. Да и с Шахматовом было покончено враз: разграблена усадьба, сожжена бесценная Бекетовская библиотека. А в довершение всего Блок был арестован и на два дня заключен в камеру предварительного заключения петроградской ЧК.

Не все просто, если большой талантливый русский поэт незадолго до своей кончины был удостоен такой вот аттестации Луначарского в его письме в ЦК к Ленину:

«Поэт Александр Блок, в течение всех этих четырех лет державшийся вполне лояльно к Советской власти и написавший ряд сочинений, учтенных за границей как явно симпатизирующих Октябрьской революции, в настоящее время заболел нервным расстройством.

Нервным расстройством... И ни слова о смертельной болезни сердца, цинге, голодном истощении, опухоли суставов.

Написавший сочинения, учтенные за границей... И ни слова о величии русского поэтического гения, о бескорыстной работе поэта в Наркомпросе.

Нетрудно представить, что было бы с Блоком, не напиши он вовремя свои «Двенадцать», если и без того ему предоставили полную возможность умереть от голода, холода и душевного неустойчивости.

Как бы то ни было, но после «Двенадцати» он «перестал слышать музыку» — главную, по его мнению, способность поэта.

Поистине, как тут не вспомнить стихотворение талантливого современного поэта Юрия Кузнецова «Отдай Гамлета славянам!», написанное еще до перестройки с такими вот ключевыми словами: «Зачем вам старые преданья, когда вы бездну перешли?»

Александр Блок предчувствовал этот кровавый переход бездны и в какой-то мере успел увидеть его в очию. Ощувив бездну, поэт нашел подтверждение давнему своему творческому принципу: художник должен «честно смотреть, а смотреть художественно-честно — значит смотреть в будущее».

А будущее выглядело настолько неутешительным и страшным, что Блок утратил необходимые поэту для гармонического творчества покой и волю.

Он ушел из жизни с изменившимся до неузнаваемости лицом. Но оставил нам стихи, полные простора и воли, благородства и самопожертвования.

Не потому ли каждая их строка порождает светлые мысли.

Б. ВОЛКОВ.